

ХРОНИКА

ВЫСТУПЛЕНИЯ В РАМКАХ

«ДНЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФИЛОСОФИИ — 2007»

Философская компаративистика и социокультурная критика

Н.С. Кирабаев

**Выступление на межвузовской конференции
«Проблемы философской компаративистики»
в рамках «Дней Петербургской философии» 16 ноября 2007 г.
(председатель — А.С. Колесников)**

Уважаемые коллеги!

Прежде всего, я хотел бы сказать о деятельности в области философской компаративистики в Российском Университете Дружбы Народов. Мы провели уже десять международных симпозиумов по проблеме диалога цивилизаций: Восток — Запад. Их основная проблематика была связана с идеей диалога философских культур. В работе этих симпозиумов приняли участие представители многих стран Европы, Северной и Латинской Америки, Африки, Азии, СНГ и России.

Сегодня в России сложились, по крайней мере, три школы, занимающиеся философской компаративистикой: первая — на философском факультете Санкт-Петербургского университета. Вторая — в Институте философии РАН под руководством Мариетты Тиграновны Степанянц, которая сотрудничает с журналом «Philosophy East and West». Профессор Степанянц организовала две очень интересных конференции в Москве и одну — в Гонолулу. Третья школа действует в нашем Университете. Мы сотрудничаем с Аахеном, где активно работает наш коллега Рауль Форнет-Бетанкур, занимающийся проблемой интеркультурной философии. Направления исследований у нас самые разные, в том числе и междисциплинарные. В последние годы мы активно работали по проблематике мультикультурализма и опубликовали большую коллективную монографию: «Глобализация и мультикультурализм» (М.: РУДН, 2004) и посвятили этой теме специальный выпуск журнала Вестник РУДН. Серия философия (№1 (11), 2006). Но сегодня мы всё больше и больше понимаем, что нам не хватает того, что было потеряно с «уходом» исторического материализма. Это проблемы общей теории философии и социологии, а также философские традиции социальной критики. Мы больше сравниваем и описываем, нежели занима-

емся критикой в процессе сопоставления. Сегодня для нас чётко вырисовываются модель мультикультурализма, существующая в странах Северной Америки, идея интеркультурности в европейских стран, по-видимому, наиболее приемлемая для России, и проблема транскulturности, характерная для стран Латинской Америки. Отталкиваясь от этих проектов, мы и подготовили доклад «В поисках общей стратегии образования с учетом разных моделей образования в традициях мультикультурализма, интеркультурности и транскulturности», представленный на Родосском форуме (2007).

Немаловажное значение имеет для нас философская компаративистика в качестве магистерской образовательной программы. Два года назад мы открыли совместную образовательную магистерскую программу по философской компаративистике с университетом Париж-VIII, который имеет славные традиции: здесь работали Мишель Фуко, Жиль Делез, Жак Деррида, и сегодня Департамент философии возглавляет Жак Пуллен. Эта программа называется «Философия и диалог культур».

Когда на Родосском форуме мы обсуждали общие проблемы диалога культур, выяснилось одно очень интересное обстоятельство: мы порой не осознаём, что уже живём в новом времени и в новом мире, а все продолжаем работать в рамках старых дискурсов. Поэтому Иммануил Валлерстайн правомерно заявил о кризисе западной научной мысли. Он очень жёстко подчеркнул, что большинство исследователей привязаны к идее глобализации и её последствиям, тогда как глобализация — это уходящий феномен. Сегодня же требуется новое понимание миропорядка и всего того, что в нем происходит. Валлерстайн предложил создать международную команду, которая занялась бы осмыслением происходящих перемен. С его точки зрения, глобализация как наиболее обсуждаемый феномен последних тридцати лет себя уже исчерпал. Валлерстайн сказал: «Поверьте мне, что через десять-пятнадцать лет вы также забудете слово "глобализация", как сегодня многие забыли слово "девелопментализм"». Действительно, идея *development studies* активно позиционировалась с послевоенных лет до 70-х годов прошлого столетия. По Валлерстайну, первым от глобализации как теории миропорядка, видимо, откажется (или займётся её модификацией) Запад, поскольку глобализация не оправдала возлагаемых на неё её идеологами и апологетами надежд. И прежде всего этот процесс начнётся в экономике, ведь с глобализацией связывали упования на подъём экономики, но из этого ничего не вышло, и больше всего это отразилось на экономике западных стран и в первую очередь США. Сегодня взоры западных интеллектуалов обращены на БРИК — Бразилию, Россию, Индию и Китай, — где происходит бурное экономическое развитие. Происходящие в этих странах социо-экономические и культурные процессы находятся в центре внимания не только западных стран, но и всего мирового сообщества.

Что же касается политики западных стран, то решение ряда проблем в эпоху глобализации, свидетелями которых мы были, основывалось на применении силы. Это было и в Югославии, и в Афганистане, и Ираке. Все мы стали свидетелями того, что ряд важных для миропорядка решений были приняты без учета и санкций такого международного органа, как ООН. Как мы помним, ввод войск в Ирак был санкционирован не решением ООН, а взаимным соглашением ряда западных стран под эгидой С 8. При этом против силового решения иракской проблемы выступили Россия, Франция и Германия. На социокультурном уровне анализа это означает, что глобализационная «энергетика» породила противоречие и в западном мире, отсюда вытекают

и многие проблемы массовой культуры — например, попытки унификации и стандартизации в области духовной культуры.

Постмодерн показал не только различное понимание разума в разных культурных и философских традициях, но и то, что культурная унификация ведёт к тупику. По-видимому, это связано с тем, что главной идеей нашего времени, а значит, и главной категорией философской компаративистики, становится не время, а пространство. Время с его жёсткой субординацией влечёт за собой идею жесткой иерархии, подчинения и соподчинения, детерминизма. Время как главная категория модерна в ситуации постмодерна уходит на второй план, и главной категорией становится идея пространства, позволяющая учитывать особенности культурного многообразия и локальных пространств и сформулировать проблематику координации и сосуществования без жесткой иерархической структуры. Пространство оказывается той категорией, которая не позволяет говорить о целостности системы. С этой валлерстайновской мыслью также можно согласиться, как и со следующим его утверждением: глобализация выявила очень важное обстоятельство, заключающееся в том, что культура, образование, искусство и социальные программы пребывают за пределами глобалистских интересов. Отсюда и жёсткое давление на социальные программы. Глядя на происходящее во Франции и Германии, нельзя не задаться вопросом: когда же произойдёт бунт? до каких пор люди будут всё это терпеть? Ведь идеалы социальной справедливости отброшены.

И само собой, не следует сбрасывать со счетов то, что называется социокультурной критикой. Об этом мне говорил и Карл Отто Апель. Я встречался с ним на конференции в Севилье, и он очень удивлялся: «Вы, русские, сейчас рассказываете сказки, наслаждаясь тем, что наконец-то узнали о том, какими вы были, и вас не задевает то, что вы живёте в мире, совершенно не зная о том, какие модели в нём работают. Вот я, например, знаю, что такое капитализм. Я знаком с традициями Франкфуртской школы. И у меня есть свой подход». Кстати, его поддержал Фред Делмайер из американского университета Нотр-Дам. Оба они — историки философии, и для них очень важно, что философская компаративистика исследует и социальную проблематику. Когда «ушёл» исторический материализм, от нас ушло и то, что называли общей социологией, т.е. системное построение видения миропорядка. Вместе с «грязной водой» мы выплеснули и «здорового ребёнка». Поэтому сегодня перед нами стоит задача создания общей теории философии на уровне макросоциологии и макроэкономики, которая позволит нам по-новому взглянуть на практику сравнения и сопоставления.

Два этих термина сегодня уже активно используются в рамках Болонского процесса, который выступает против унификации национальных образовательных традиций и требует лишь того, чтобы эти системы были сравнимы и сопоставимы. Сегодня нам надо искать основания для сравнения и сопоставления и, разумеется, объекты сравнения. Компаративистика не сводится к сравнению чего угодно с чем угодно. Мы обязательно выходим либо на уровень сущного, либо на уровень должного. Если мы выходим на уровень должного, открывается широкий простор для метафизики. Однако оказывается, что за пределами философской компаративистики осталась вся социальная проблематика.

Вместе с тем, наметилась ещё одна очень интересная тенденция, пример которой дают отечественные школы и которую Михаил Александрович Маслин назвал «внутренней компаративистикой». Это особый исследовательский приём, позволяю-

щий при сопоставительном или сравнительном анализе увидеть то, что невозможно рассмотреть при «отраслевом подходе». В качестве примера можно привести очень интересную работу Е.Л. Гревцовой по К. Леонтьеву и А. Герцену. Казалось бы, совершенно несопоставимые фигуры, однако сопоставление оказалось возможным в сфере философии культуры.

Сегодня сама ситуация требует от нас сравнения России, Запада и Востока. Речь идет о новом прочтении роли и места духовной культуры этих стран с учетом их достаточно быстрого экономического развития. Вопрос заключается в том, каким образом в традиционных ценностях объясняется, понимается и обосновывается вся проблематика современной модернизации. BRIC — это термин, которым обозначаются четыре страны: Бразилия, Россия, Индия и Китай, которые объединены в одно целое на основе перспективы их наиболее динамичного развития. Сегодня в мире эти четыре страны характеризуются как наиболее развивающиеся. По прогнозам, уже в скором будущем на страны BRIC будет приходиться до 40% населения земного шара. Международные эксперты отмечают, что эти страны могут объединить свои усилия для того, чтобы противостоять глобальной экономической экспансии США. Не исключено, что экономическая кооперация в рамках BRIC приведет и к соглашениям в политической сфере, с учетом того, что мощный рост в этих странах прямо или косвенно способствовал укреплению мировой экономики. Видимо, задачей, связанной с возросшим значением этих стран в рамках нынешней системы понимания миропорядка решить не возможно. Китай, образно говоря, сегодня «одевает» и обеспечивает товарами потребительского спроса многие страны, если не весь мир.

В январе 2007 г. мне довелось побывать в Индии. Это уже совершенно новая страна, которая получает около 35 % ВВП за счёт продажи высоких технологий. Бразилия, Россия, Индия и Китай — это страны, не только имеющие многочисленное население и огромные ресурсы, но, самое главное, представляют древние цивилизации, ценности которых во многом составляют основу их современной духовной культуры.

Валлерстайновский подход позволяет заново переосмыслить роль и значение отечественной традиции, сопоставив её с традицией европейской. Европа сегодня тоже стремится создавать смешанные исследовательские команды. В частности, последний разговор с Жаком Пулленом убедил меня в том, что компаративистика идёт рука об руку с критикой: критическое мышление — главная особенность современного западного разума. Запад стоит на перепутье. В частности, создана совместная программа на основе ассоциации университетов и научных центров Венеции, Берлина, Мадрида, Парижа, Люксембурга. Это открытая ассоциация, преследующая практическую цель: через программу двойного научного руководства создать сообщество, помогающее подготовить кандидатские диссертации и занимающиеся исследованиями в области гуманитарных наук, которая открыта для участия в ней и университетов других стран.

Эта наша совместная работа в области философской компаративистики интересна ещё и тем, что в её рамках мы сможем организовывать международные встречи и международные исследования. Существуют образовательные центры, позволяющие это сделать — например, центр, базирующийся на историческом факультете университета Буэнос-Айреса, центры в университете Аахена, Париже-VIII и др. Работа в этом направлении позволит нам увидеть, что мир изменился и требуются новые исследовательские дискурсы.

Провозглашенный тезис о конце эпохи глобализации как романтической утопии неолиберализма уносит с собой то, что мы долгое время считали устойчивым и чуть ли не вечным. Для нас, философов, тоже кончился некий этап ознакомления со своим прошлым, и теперь нам пора выходить на новый уровень. Потеряв марксизм-ленинизм, мы пока не создали практически ничего нового. Это и обидно, и вполне справедливо. Наши западные коллеги, например, удивляются тому, что философы России почти никогда не употребляют слово «капитализм», словно бы капитализм (пускай не в политэкономическом смысле, но в качестве общественного проекта) не существовал и не существует.

Джордж МакЛин из Американского Католического Университета считает, что занимающиеся компаративистикой интеллектуалы должны по-иному переосмыслить философию Гадамера. Мы должны выйти на уровень диалога, поскольку наши монографии слишком монологичны. Работы самого Маклина тем и интересны, что в них идёт диалог. Такое построение текста позволяет выйти за локальные рамки Своего и услышать Другого.